

УДК 321.01/342

**СООТНОШЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВА И ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНОСТИ
ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

© 2017

Шестопал Сергей Станиславович, кандидат юридических наук, доцент кафедры
Теории и истории российского и зарубежного права
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
(690014, Россия, Владивосток, ул. Гоголя 41, e-mail: ss.shestopal@yandex.ru)

Аннотация. Работе посвящена актуальным трактовкам важнейшей категории международного публичного права, соотношению и эволюции концепций суверенитета и экстерриториального права. Объектом настоящего исследования выступает влияние экстерриториального действия права на принцип государственного суверенитета в контексте процесса глобализации. Проблемы, связанные с территориальным действием права, традиционно привлекают внимание правоведов в силу их межотраслевой и междисциплинарной специфики. Экстерриториальное действие норм права рассматривается сегодня как чрезвычайно важный индикатор цивилизованности государства, его демократичности и открытости, показателем уважения к суверенитету других государств. Исследования содержания категории «суверенитет» доказывают, что он традиционно понимается как отрицание любого подчинения государства власти другого государства. Проведен анализ современного состояния этого вопроса на международном правовом поле. Теоретико-методологической основой работы выступили отечественные и зарубежные исследования правоведов, политологов и социологов. В работе используется мировоззренческие (феноменологический, социокультурный, системный и др.), общенаучные (анализ, синтез, аналогия и др.), а также частнонаучные (историко-политический, метод политического моделирования) подходы и методы. Рассмотрены эволюционные тенденции в соотношении понятий суверенитета и экстерриториальности, происходящие под влиянием процессов глобализации.

Ключевые слова: право, правовая система, правовая идентичность, правовое мышление, суверенитет, экстерриториальность права, национальное право, закон, глобализация, глобальные правовые изменения, адаптация права, международное право, политика, правовая ментальность, юридические нормы.

**SOVEREIGNTY OF THE STATE AND THE EXTRERITORIALITY OF LAW:
CORRELATION PROBLEM IN THE GLOBALIZING WORLD.**

© 2017

Shestopal Sergey Stanislavovich, PhD in legal sciences, associate professor of the Department
of Theory and History of Russian and international law
Vladivostok State University of Economics and Service
(690014, Russia, Vladivostok, Gogolya 41, e-mail: ss.shestopal@yandex.ru)

Abstract. The work is devoted to actual interpretations of the most important category of international public law, the correlation and evolution of the concepts of sovereignty and extraterritorial law. The object of this study is the influence of the extraterritorial effect of law on the principle of state sovereignty in the context of the process of globalization. Problems associated with the territorial operation of law traditionally attract the attention of legal scholars because of their interdisciplinary and interdisciplinary specifics. The extraterritorial validity of the norms of law is viewed today as an extremely important indicator of the civilization of the state, its democracy and openness, an indicator of respect for the sovereignty of other states. Studies of the content of the category “sovereignty” prove that it is traditionally understood as a denial of any subordination of the state to the authorities of another state. An analysis of the current state of this issue in the international legal field was carried out. The theoretical and methodological basis of the work was made by domestic and foreign studies of jurists, political scientists and sociologists. The work uses worldview (phenomenological, sociocultural, systemic, etc.), general scientific (analysis, synthesis, analogy, etc.), as well as private-science (historical-political, method of political modeling) approaches and methods. The evolutionary tendencies in the correlation between the concepts of sovereignty and extraterritoriality occurring under the influence of the processes of globalization are considered.

Keywords: sovereignty, extraterritoriality of law, national law, adaptation of international law, legal norms, law, legal system, legal identity, legal thinking, sovereignty, extraterritoriality of law, national law, law, globalization, global legal changes, adaptation of law, international law, politics, legal mentality, legal norms.

Актуальность вопроса. Экстерриториальность – важнейшая категория международного публичного права – не получила до сих пор должного теоретического обоснования. Активизация процесса глобализации, приводящая к открытости национальных экономик, создающая условия для равноправного диалога культур и цивилизаций в поиске оптимальной модели взаимодействия, является одним из важнейших факторов, характеризующих современный этап развития мирового сообщества. Общеизвестно, что факторы (технологический прогресс, революция в области коммуникации, создание ТНК, интеграционные процессы, влекущие создание наднациональных объединений и т.д.), обуславливающие активизацию глобализации, распространение ее на все новые и новые сферы общественной жизни, создают проблемы для реализации государственного суверенитета. С другой стороны, терроризм и организованная преступность, массовая миграция объективно препятствуют формированию пространства без границ не только в мировом масштабе, но и даже в таких успешных интеграционных объединениях как Европейский Союз, что негативно сказывается на формировании единого правового и экономического пространства, развитии культурных и

научных обменов, развитии глобального гражданского общества.

Проблемы, связанные с территориальным действием права, традиционно привлекают внимание правоведов в силу их межотраслевой и междисциплинарной специфики. При этом не стоит забывать, что «аспект территориального действия дополняется, понятием «правовое пространство», которое выражает невидимые виртуальные связи и отношения» [1]. Национальное право действует в пределах территории государства (территориальный принцип), однако активизация международного общения, в результате которого происходит участия государств в диалоге не только между собой, но и с международными финансовыми и неправительственными организациями, а также с наднациональными структурами, которые создают собственные стандарты поведения [1], закономерно порождает вопрос о необходимости признания и последующего применения в определенных рамках права иных государств (принцип экстерриториальности действия права).

Хотя теоретико-правовым проблемам экстерриториального действия юридических норм неоднократно становились предметом исследований, в целом следует

согласится с Д.В. Морозовым, по мнению которого они все еще недостаточно изучены [1]. Прежде всего это связано с увязыванием экстерриториального действия права с проблематикой международного частного права [2]. Д.В. Морозов уделяет особое внимание этой проблеме подчеркивая, что «на сегодняшний день остается большое количество неразрешенных вопросов, в частности о роли экстерриториальности в решении коллизийной проблемы, о месте этой категории в системе нормативно-правового регулирования, о применении инструментария международного частного права. Например, одни авторы отождествляют экстерриториальность с основными категориями и принципами международного частного права, другие применяют более консервативный подход, отмечая, что экстерриториальность свойственна личному статусу в силу его особого значения, что позволяет регулировать статус юридических и физических лиц единообразно, где бы они ни находились» [2, С. 100]. «В результате как наука международного частного права, так и правоприменительная, и прежде всего судебной-арбитражная, практика находятся в состоянии поиска инструментария, позволяющего им разрешать конкретные правовые коллизии и проблему выбора применимого права» [1, С. 102].

Интерес к проблеме экстерриториальности права возникает в связи с признанием за государством такой его ключевой характеристики как суверенитет. Исследования содержания категории «суверенитет» доказывают, что он традиционно понимается как отрицание любого подчинения государства власти другого государства. Развитие общества и государства обусловило трансформацию понятия «суверенитет» и «суверен», проявлением чего стал перенос его с лица монарха (главы государства) на государство в целом. При этом суверенитет на протяжении истории характеризовался по-разному: как «концепция абсолютной и неограниченной власти в государстве», как «верховенство, совокупность верховных прав, принадлежащих государству или ее главе», как «теория, исходящая из того, что в каждой системе управления должна быть абсолютная власть лица или органа, призванная решать и быть способной выполнять решения» [25]. Хотя термин «суверенитет» французского происхождения (от фран. *Souverainete*), в отечественной науке используется немецкий вариант - «*Souveranitat*» - верховенство и независимость власти, то есть термин, производный от латинского слова «*Supremus*» - высший. Взятый применительно к государству он означает политическую независимость и самостоятельность его власти.

Впервые выделил внешнюю (независимость государства в отношениях с другими странами) и внутреннюю (верховенство государственной власти внутри страны) стороны суверенитета основатель теории Ж. Боден [25]. В последствии этатистский подход к определению суверенитета нашел развитие в трудах Г. Гегеля, отмечавшего, что суверенитет не имеет определенных границ, логика его сущности требует признания абсолютной независимости власти [25]; Г. Еллинека, по мнению которого, суверенная государственная власть является независимой и верховной властью; при этом, если первый признак (независимость) проявляется в сношениях суверенного государства с другими государствами, то второй (верховенство) – во внутренних отношениях [5, С. 457-458], а так же работами В. Ф. Шершеневича [25] и Б. Н. Чичерина [25].

В советский период полемика по поводу верховенства как признака суверенитета состоялась между А. С. Яценко и Н. И. Палиенко. Если первый полагал, что «государство суверенно только в своих территориальных границах» [25], то по мнению второго, государственная власть – это власть личная, а не территориальная [25].

В современной юридической литературе под государственным суверенитетом понимается самостоятельность, полнота и неделимость власти государства, ее верховенство над любой иной властью внутри государ-

ства и независимость в международных отношениях [15, С. 11]. Таким образом современная доктрина суверенитета по-прежнему оперирует понятиями «верховенство власти» и «независимость».

Несмотря на очевидную актуальность вопросов, связанных с территориальными пределами государственной власти, именно фундаментальных исследований, посвященных этой проблеме не так много. Преимущественно проблемы экстерриториальности поднимаются в учебной и энциклопедической литературе, на что обращает внимание в своей работе А.А. Самарин [25]. На монографическом уровне проблема исследовалась А.А. Тилле [3] (однако эта работа была подготовлена в 1965 г. и очевидно она не учитывает особенности современного правового развития), а также А. А. Самариным (2016 г.) [25].

Экстерриториальное действие норм права рассматривается сегодня как чрезвычайно важный индикатор цивилизованности государства, его демократичности и открытости, показателем уважения к суверенитету других государств. Так, если в условиях глобализации использование демократическими государствами законов экстерриториального действия юридических норм способствует налаживанию эффективного сотрудничества в правовой сфере, выработке консолидированных компромиссных межгосударственных решений, что способствует объединению народов и государств, обеспечивает их экономический и социальный прогресс, то отказ от экстерриториального действия законов тоталитарными государствами, предпочитающие изоляцию, делает их своего рода изгоями в сфере правового общения.

В различных отраслях права принципы территориального экстерриториального действия закона проявляется по-разному, с разной степенью формализма. В публичном праве - конституционном, административном, уголовном, процессуальном - территориальный принцип соблюдается наиболее строго, тогда как в гражданском, семейном, банковском, корпоративном и обычном праве принцип экстерриториальности используется гораздо более гибко, с учетом специфики той или иной ситуации.

Экстерриториальное право и суверенитет. После окончания Второй мировой войны международный правовой порядок был основан на принципах (суверенного равенства государств, неприменения силы, мирного разрешения споров, невмешательства в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, территориальной целостности и нерушимости границ, равноправия и самоопределения народов, сотрудничества и уважения к правам человека), закрепленных в общем виде в Уставе ООН и детализированных в последствии в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (1970 г.), Заключительном акте СБСЕ (1975 г.), Парижской хартии для новой Европы (1990 г.) и др. международных актах. Таким образом, из анализа этих принципов видно, что краеугольным камнем современной международной правовой системы является модель суверенного государства.

Экстерриториальность – принцип публичного международного права, позволяющий стране разрешить полномочия иностранного государства или международной организации на части своей территории. Это режим, который затрагивает, например, Центральные учреждения Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке, Генеральные штаб-квартиры союзных держав Европы (штаб-квартира НАТО) в Бельгии, некоторые территории в Риме, принадлежащие государству Ватикан, или суверенный порядок Мальты.

Сегодня государственный суверенитет - это политико-правовая категория, выражающая содержание и масштабность компетенции государства в сферах внутренней и внешней политики. Если констатируется факт возникновения определенного государства, то это автома-

тически означает наличие у него суверенитета. С другой стороны, потеря государством суверенитета приводит к прекращению его существования как субъекта международного права, поскольку никому, кроме государства, суверенитет принадлежать не может.

Тем не менее, суверенитет государства нельзя абсолютизировать. Межгосударственное общение приводит к активизации контактов и сближению позиций различных государств. Это обуславливает усиление их взаимодействия и взаимозависимости, побуждает к поиску компромиссов и согласования национальных интересов, что в отдельных случаях может предусматривать определенные уступки ради достижения мира и социального прогресса. Кроме того, следует учитывать, что не только небольшие, но и крупные государства вынуждены придерживаться выработанных при их участии норм и принципов международного права, а также заключенных межгосударственных договоров. Как следствие государство в той или иной мере постоянно прибегает к самоограничению в вопросе реализации своих суверенных прав, которое, однако, не приводит к утрате суверенитета.

Отмеченные процессы проявлялись в той или иной мере во все времена, но особую значимость они обрели после Второй мировой войны. Конец XX века ознаменовался активным развитием процессов глобализации и региональной интеграции, которые привели к формированию многочисленных межгосударственных объединений и, в частности, наднациональных (надгосударственных) союзов, а также усилению давления транснациональных корпораций (ТНК) и транснациональных банков (ТНБ). В этой связи некоторые авторы и среди них Г. Серенсен, С. Макинда, Б. Бузан, Л. Петтифорд полагают, что государство должно проводить такую политику, которая бы более полно учитывала психологические и исторические особенности наций и народов, содействовала укреплению суверенитета, проведению активной внешней политики, поскольку, как подчеркнул Б. Бузан, «несостоявшие государства» («failed states») неспособны эффективно осуществлять свой внутренний и внешний суверенитет, «крайне плохо могут гарантировать права индивида» [3].

Эволюция концепций суверенитета и экстерриториального права в эпоху глобализации. Глобализация - это одно из самых сложных и многозначных явлений современного мира, сформулировать точное определение которого крайне сложно [26]. Обсуждение и оценки последствия экономической глобализации выходит далеко за рамки данного исследования. Тем не менее, бесспорно, что глобализация оказала огромное влияние на государстве суверенное как субъект международного права. Глобализация трансформирует современную международную систему. В процессе развития и преобразования политико-правовой структуры современного суверенного государства возникло два важных направления. Во-первых, специализированные режимы публичного международного права распространились на сферы, ранее монополизированные государством, такие как права человека, экологическое право и торговое право. Во-вторых, правила, принятые межправительственными организациями и транснациональными корпорациями, становятся все более значимыми. Переплетение этих явлений неизбежно ведет к подрыву установлений вестфальской парадигмы государственного суверенитета. Сочетая подходы международной политической экономии и социально-правовой теории, эти факторы вносят свой вклад в судебную практику, утверждая, что глобализация далека от простого отрицания суверенитета и государственного права. Глобальные процессы значительно изменили законы государства. В то же время закон государства должен быть очень гибок и адаптивен, что играет значительную роль в переосмыслении транснационального взаимодействия. Что еще более важно, нынешнее различие между глобальным и государственным законодательством становится все более размытым

на практике. Результат этого взаимодействия требует переосмысления подходов к понятию «закон».

Теоретики права, такие как Х.Л.А. Харт, Дж. Роулз, Р. Дворкин, Г. Кельзен в своих исследованиях сосредоточены на формальных государственно-правовых нормах. В частности, Харт и Кельзен выступают в значительной степени против идей о правовом плюрализме и негосударственном праве [27, С. 250]. Многие профессиональные юристы полагаются на первичность «замкнутых систем» государственного права как «регулятора социальных отношений» [28, С. 7-8]. Основные научно-популярные труды по глобализации часто пренебрегают ролью закона. Однако юридические академические круги склонны подчеркивать роль правовых механизмов в противодействии глобализации [28, С. 8]. Таким образом, плюралистический подход к правопониманию, допускающий сосуществование множества правовых порядков в одном и том же пространстве, становится актуальным как никогда ранее.

Транснациональные процессы вырабатывают новую концепцию «глобального права» [29]. Для французского теоретика права Пьеррика Ле Гоффа «глобализованные» правовые нормы, которые касаются главным образом политической экономии, отличаются от государственного и частного международного права по объему и назначению, и они концептуально шире коммерческого транснационального права [29]. «Податливый» набор норм, основанный профессионалами, может в конечном итоге преуспеть в построении более сильного мирового политического порядка [30]. Понятие глобального права представляет собой «многокультурное, многонациональное и многодисциплинарное» явление, а не формализованную правовую систему. Соответственно, сближение международной практики и развивающихся правовых систем в глобальном масштабе, таких как международное экологическое или торговое законодательство, можно рассматривать как компоненты концепции глобального права, в широком понимании. Глобальные правовые нормы не опираются ни на один политический режим, ни на одну суверенную территорию, ни на одну отрасль права, а на «невидимые» институты, рынки, профессиональные сети, которые не ограничиваются рамками того или иного государства. Их «организационная основа» - это не унитарное мировое правительство, а «анархический массив» фрагментированных транснациональных сетей, связывающих бюрократии, агентства и организации [31]. С этой точки зрения рост глобального права в значительной степени зависит от национального государства [32].

Соответственно и принцип государственного суверенитета в контексте процесса глобализации приобретает новое значение, претерпевая значительные изменения. Равноправие государств требует их активного участия в диалоге не только между собой, но и с международными финансовыми и неправительственными организациями, наднациональными структурами, которые создают собственные стандарты поведения. В современных условиях в процессе толкования принципа суверенитета акцент делается на тех аспектах его содержания, которые позволяли бы государству активно развивать международное общение, не подрывая одновременно своих основ.

Суверенитет и суверенные права. Под влиянием процессов глобализации и региональной интеграции государства все чаще соглашаются на передачу отдельных суверенных прав в компетенцию наднациональных (надгосударственных) объединений (Европейский Союз) и международных организаций (ООН, Совет Европы, ОБСЕ, НАТО, СОР, СБ и т.п.). Увеличивающаяся многослойная комплексность мира требует комплексного понимания суверенитета. Это порождает качественно новую ситуацию для государств, которые вынуждены искать принципиально новые подходы к реализации суверенных прав, что подчеркивает актуальность проблемы раскрытия соотношения суверенитета государства и суверенных прав.

Для закрепления в праве любое государственно-

правовое явление должно быть концептуально оформлено, переведено в разряд юридических конструкций. Суверенитет государства – это юридическая конструкция, раскрывающая сущность государственной власти. Между юридическим понятием суверенитета и реальным его проявлением существует тесная связь. Авторы, работающие в области развития теории суверенитета отмечают, что понятие «суверенитет» — это не формальная юридическая категория, лишенная содержания [4]. Определить, действительно ли государство является суверенным или определенное политико-территориальное образование провозглашает себя таковым, можно в результате анализа практики реализации суверенных прав.

Общеизвестно, что суверенитет конкретизируется в суверенных правах. Однако, в юридической науке вопрос о содержании суверенных прав и их соотношении с суверенитетом недостаточно разработан. Содержание некоторых суверенных прав изучают преимущественно представители науки международного права. Но их разработки лишены системного характера. Попытки универсально-договорной кодификации суверенных прав государства в международных актах предпринимались с конца XIX в. Однако и сегодня эта работа остается незавершенной. В. А. Романов называет парадоксальной ситуацию, когда в международном праве права государств как субъектов и участников международного общения оказались менее разработанными и кодифицированными, чем права индивида [5]. Такую ситуацию нельзя считать нормальной. Ведь суверенные права имеют основоположное значение для признания государств главными субъектами международного права.

В современных конституциях государство принято характеризовать как суверенное. Однако, отыскать в международно-правовых документах и национальном законодательстве ссылки на его суверенные права трудно. В итоге, суверенные права государства остаются четко не идентифицированными как на конституционном, так и на международно-правовом уровне. Исключением из этого правила составляло конституционное законодательство Советского Союза, которое в Конституциях 1924 г. (ст. 3), 1936 г. (ст. 15) и 1977 г. (ст. 81) содержало положение о том, что суверенные права союзных республик (союзные республики номинально признавались государствами) охраняются Союзом ССР.

Начиная с 1970-х годов категория «суверенные права» начинает бессистемно использоваться преимущественно в международном морском праве для определения правомочностей прибрежных государств относительно ресурсов континентального шельфа и исключительной экономической зоны, а с конца 1990-х – для закрепления суверенных прав на энергетические ресурсы. Объем суверенных прав в этих сферах определяется нормами морского права, специальными конвенциями, конституциями, национальным законодательством и межгосударственными соглашениями.

Более важное значение для раскрытия содержания категории «суверенные права» и их соотношения с суверенитетом имеет конституционное законодательство и международно-правовые документы, регламентирующие межгосударственные отношения в политической сфере. Так, Декларация о принципах международного права предусматривает, что государства не вправе применять либо способствовать применению экономических, политических мер с целью подчинить другое государство в вопросе осуществления им своих суверенных прав. Декларация также содержит ссылку на принцип суверенного равенства государств: все государства юридически равны; они имеют одинаковые права и обязанности, являются равноправными членами международного сообщества; каждое государство пользуется правами, присущими полному суверенитету [6]. В более развернутом виде этот принцип изложен в ст. 1 Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.).

Конституции ряда государств также содержат положения, касающиеся реализации суверенных прав в связи с членством в межгосударственном объединении. Так, Конституция Германии (ст. 23), регулируя вопрос ее участия в Европейском Союзе, предусматривает возможность передачи последнему суверенных прав. Возможность передачи суверенных прав межгосударственным учреждениям и их органам допускает Конституция Австрии (ст. 9). В ст. 79 Конституции РФ сказано, что государство может принимать участие в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, если это не противоречит основам ее конституционного строя. Это положение более полно характеризует соотношение суверенитета и суверенных прав. Поскольку Конституция предусматривает возможность делегирования полномочий, то это означает, что практика добровольной передачи государством права реализации определенного права или полномочия целиком допустима именно потому, что она не нарушает суверенитет государства.

Таким образом, суверенитет не исключает возможности его реализации путем участия государства в деятельности межгосударственного союза (ст. 88-2 Конституции Франции уточняет, что такое участие возможно при соблюдении принципа взаимности во время передачи межгосударственным структурам права реализации суверенных прав или полномочий). Передача отдельных суверенных прав и полномочий государством наднациональным структурам не означает сужение суверенных прав. Переданное право компенсируется обременением так называемых общесистемных полномочий. В итоге пределы общей деятельности государств существенно расширяется.

В отличие от федеративного государства, где переданные федерации суверенные права возратить назад в одностороннем порядке невозможно, в Европейском Союзе такая передача не сказывается на суверенитете государства-члена, поскольку оно передает Союзу не сами права, а лишь право их реализации, которое она может себе вернуть путем выхода из состава ЕС [7].

Вопрос соотношения суверенитета и суверенных прав целесообразно рассматривать через философские категории «часть» и «целое». Общеизвестно, что определенную систему можно понять как «целое» лишь в результате осознания природы ее частей. Вместе с тем не следует ограничиваться изучением частей, избегая анализа их связи с целым [8]. Любой единичный предмет может быть правильно осознан тогда, когда он анализируется не в отрыве от системы, а в связи с ней.

Под «частью» в нашем случае следует понимать суверенные права, а в качестве «целого» рассматривать суверенитет государства. В государственном суверенитете суверенные права, раскрывающие его структуру и содержание, находятся в относительно постоянной и закономерной взаимосвязи. С помощью суверенных прав традиционно раскрывается внутренний и внешний аспект суверенитета. Если целое (государственный суверенитет) обеспечивает функционирование частей, то части (суверенные права) способствуют сохранению целостности суверенитета. При этом признаки суверенитета не тождественны признакам его составляющих. Суверенные права вне государственного суверенитета не только теряют ряд своих свойств, но и вообще не могут существовать, поскольку в количественном аспекте целое является суммой частей, но в качественном — целое больше их суммы [9]. Итак, свойства суверенитета невозможно свести к механической сумме свойств его частей. Следовательно, следует различать суверенитет и суверенные права, которые используются для определения полномочий государства в конкретной сфере с ограниченным содержанием.

Структура выступает важным свойством целого (государственного суверенитета), которая, с одной сторо-

ны, связывает его части (суверенные права) в единое целое, а с другой — заставляет эти части функционировать по законам данной системы. Если система (государственный суверенитет) эффективна, то замена ее составляющих (суверенных прав), точнее, порядка их осуществления, должна осуществляться лишь для сохранения и усиления этой эффективности [10]. Именно это и происходит в случае с государствами — членами Европейского Союза. Поэтому трансформация государственного суверенитета закономерно связана с изменением его структуры, то есть с изменением совокупности связей между суверенными правами.

По поводу другой антиномии: «часть предшествует целому» или «целое предшествует частям» мы согласны с авторами, которые полагают, что целое порождается целым при посредничестве частей. Одна из частей, непосредственно связанная не только с одним целым, но и с другим, в силу определенных условий проявляет тенденцию к выходу за границы исходного целого и к преобразованию себя и всего целого [11-13]. Иллюстрацией к этому утверждению служит практика делегирования национальными правительствами институтам ЕС права осуществления отдельных суверенных прав.

Определяя суверенитет государства через совокупность суверенных прав, некоторые авторы говорят о возможности расширения или сужения суверенитета; о полном или неполном его характере; о признании частично суверенных или полусуверенных государств. Такого рода идеи следует признать ошибочными в методологическом отношении, поскольку они игнорируют специфическую природу суверенитета как юридического явления.

В дискуссиях относительно государственного суверенитета все чаще высказываются идеи о том, что отношение государств к собственному суверенитету со времени будет пересмотрено. По мнению американского исследователя международного права Абрама Чейеса, в будущем предметом дискуссий станет «новый суверенитет», который будет формироваться под влиянием сотрудничества в области соблюдения норм международного права и охватит все государства, за исключением нескольких самоизолирующихся. Суверенитет будет состоять не в свободе государств независимо осуществлять свою власть, преследуя собственные интересы, а в сотрудничестве государств с соответствующим, более-менее равноправным статусом, что будет составлять суть международной жизни [14].

По мнению Александра Вендта, суверенитет — это не только «собственность отдельных государств», но и «институт, разделяемый многими государствами» и характеризующийся общим ожиданием того, что «государства не будут попытаться убрать жизнь и свободу друг друга» [33]. Как отмечает Эндрю Херрелл «суверенитет может иметь смысл только в том случае, если он признан другими» [34]. Следовательно, традиционное публичное международное право и государство находятся в симбиотических отношениях. Первый определяет последний, а второй — первый.

На практике, однако, статус официального членства в ООН скрывает «широкие различия» между государствами [27]. Формальное суверенное равенство не стирает огромные различия между государствами в плане экономического богатства, военной мощи, территории, населения и способности осуществлять политическое и юридическое влияние в международном сообществе [35]. Многие национальные политические режимы даже не контролируют всю свою заявленную территорию.

Тем не менее, суверенное государство, как мощное созвездие организованных политических институтов, глубоко укоренилось. Он глубоко укоренился в сознании как определяющий элемент политической идентичности. Множество факторов поддерживает мнение о том, что современное государство, вероятно, сохранит свою роль как определяющую форму политической ассоциации, по крайней мере в обозримом будущем.

Государства являются единственными «эффективными органами власти» в осуществлении военной мощи. Конкуренция национальных ресурсов по-прежнему остается «решающим фактором», который затрагивает «борьбу на других географических и политических уровнях». Способность государственных бюрократий осуществлять значительные контроль над своими гражданами посредством практики полицейской деятельности, судейства и управления остается в значительной степени неповрежденным даже в так называемую эпоху «глобального управления» [36].

В ходе реформ 1990-х годов Россия столкнулись с проблемой адаптации западных правовых ценностей и идеалов. Что привело к частичной потере внутри политических элит чувства меры в интеграции с различными государствами и международными общественными организациями. Ю. А. Тихомиров отмечает в этой связи: «Динамика общественного развития выражается не только в гибкости государственно-правовых и международно-правовых форм выражения суверенитета, но и в явных или скрытых отклонениях от них. Таковы примеры чрезмерного иностранного влияния в виде правовых теорий и концепций на национальное правосознание, прямого копирования текстов иностранных законов в национальных законодательствах, «навязывания» правовых решений и действий извне, давления на национальные государственные органы (законодательные, исполнительные и судебные), наконец, прямой слом национальных институтов в результате «гуманитарной интервенции» и агрессии. Тут переплетаются внутренний и внешний аспекты правового суверенитета» [19, С. 9].

Заключение. Современное государство и его право трансформируются. Несомненно, транснациональные субъекты оказали глубокое влияние на содержание и характер муниципальных правовых систем. Однако глобализация международного управления заключается не в маргинализации правопорядка. В конце концов, гомогенизация закона в глобальном масштабе в значительной степени является спекулятивной. Единый конституционный порядок человечества не находится в процессе становления, по крайней мере в обозримом будущем. Однако государство может иногда стратегически выбирать соблюдение международных и транснациональных норм вместо своего собственного традиционного государственного права; при этом не следует недооценивать адаптивную силу государственного права. Оно может больше сосредоточиться на поддержании суверенных претензий на территориальное господство и в большей степени на защите с и регионального разнообразия. В конце концов, фундаментальные функции государственного права, структурирования институциональной архитектуры государства, направления широкой национальной социальной политики и реагирования на локализованные потребности и конфликты являются незаменимыми. Сложное многоуровневое, многоаспектное и, зачастую, противоречивое взаимодействие между глобальным и местным проявляется разновекторности направлений — глобальные процессы требуют расширения экстерриториального действия права, а суверенность субъекта — стремится к сохранению сферы исключительных суверенных прав. Важно отметить, что юридические элиты, чьи мировоззрения являются как местными, так и транснациональными, обладают исключительной способностью решать, следует ли соблюдать государственное или негосударственное право в конкретной политике или ситуации. Общественное осознание глобальной экспансии на суверенные права государства, предоставляет национальным политическим элитам ресурс для укрепления своих существующих полномочий и расширения регулирующего влияния государства на новые сферы. Внутренние правительства, контролируемые вооруженные силы и важные природные и экономические ресурсы, вряд ли откажутся от своих имущественных интересов безоговорочно. В целом,

принципы суверенного государства является достаточно сильным и достаточно гибким, чтобы остановить или заморозить многие глобальные процессы. Несмотря на глобализацию, принцип суверенного государства, вероятно, сохранит политическое влияние на жизнь подавляющего большинства народов мира.

Развитие мировой экономики требует новых возможностей трансграничного взаимодействия и одним из возможных инструментов для модернизации классических взглядов и подходов к пониманию правового суверенитета государства может стать экстерриториальное действие судебных решений в конкретной стране. В условиях трансграничных связей, часто возникают ситуации, когда необходимо признать юридическую силу сделок, браков, договоров с гражданами разных стран, а также силу решений судов иностранных государств. В этой связи, подчеркивают некоторые авторы [20-24], увеличение взаимозависимости и взаимосвязанности государств влечет за собой необходимость разработки общих правовых подходов, в том числе признание правовых решений друг друга. В эпоху глобализации суверенитет права и собственная правовая идентичность перестает быть высшей ценностью, наоборот, подобие права, правопорядка и возможности их взаимовлияния становятся все более актуальными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Морозов Д.В. Экстерриториальные нормы и доктрина международного частного права. / Д.В. Морозов // Журнал российского права. - 2011. - № 7. - С. 98-106.
2. Баратынц Н.Р. Проблемы экстерриториального действия правовых норм и международное частное право // Международное частное право: современные проблемы. М., 1994. С. 245; Лунц Л.А. Курс международного частного права: в 3 т. М., 2002.
3. Тилле А.А. Время, пространство, закон. М., 1965.
4. Buzan B. People, States and Fear. London, 1991. P. 100-101.
5. Еллинек, Г. Общее учение о государстве. – СПб., 2004.
6. Романов, В. А. Концепция основных прав и обязанностей государств на рубеже веков // Моск. журн. междунар. права. – 1996. – №4. – С. 175-186.
7. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (24 октября 1970 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=995_569
8. Яковюк И. В. Правовые основы интеграции в ЕС: общетеоретический анализ. - Харьков: Право, 2013. - С. 266-312.
9. Лепешкин, А. И. Советский федерализм / А. И. Лепешкин. – М. :Юрид. лит-ра, 1977. – С. 259-260.
10. Левин, И. Д. Суверенитет / И. Д. Левин. – М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – С. 74..
11. Горюнов, В. В. Суверенитет Российской Федерации (сущность, содержание, гарантии) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / В. В. Горюнов. – Екатеринбург, 2007. – С. 11.
12. Пастухова, Н. Б. Государственный суверенитет в эпоху глобализации // Журнал российского права. – 2006. – № 5. – С. 130-141.
13. Stephan Hobe. Der offene Verfassungsstaat zwischen Souveranität und Interdependenz (1997). – P. 354.
14. Abram Chayes & Amonta H. Chayes. The New Sovereignty – Compliance with International Regulatory Agreements. Harvard University Press – 1995. – P. 27.
15. Ушаков Н.А. Государство в системе международно-правового регулирования. М., 1997. С. 11.
16. Бредихин А.Л. Суверенитет как политико-правовой феномен: монография. М., 2012. С. 142.
17. Исаев И.А. Государственный интерес и чрезвычайное положение: диктатура как искусство управления // История государства и права. 2013. № 8. С. 2-7.
18. Фуко М. Искусство государственного управления // Интеллектуалы и власть. М., 2005. Т. 2. С. 115.
19. Тихомиров Ю. А. Правовой суверенитет: сферы и гарантии // Журнал российского права. 2013. №. 3. с. 5-20.
20. Терехов В.В. Дискуссия о возможности и необходимости трансграничного действия судебных решений // Вестник гражданского процесса. 2014. № 1. С. 66-84.
21. Невельская-Гордеева, Е.П. Логические основания судебного доказывания / Е.П. Невельская-Гордеева, С.С. Шестопал // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2015. – №4. – С. 136-143.
22. Шестопал С. С. Political and legal personalism and pluralism J. Maritain's concept and treatment // Теория-практика права. – 2014. – №. 1 (5).
23. Shestopal S. S., Astakhova K. V., Astakhov V. V. Modern Dimensions of Jacques Maritain's Political and Legal Personalism // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Т. 6. – №. 6 S3. – p. 192.
24. Shestopal S. S., Oleynikov S. N. Theoretical foundation of human rights: J. Maritain philosophy of natural law. Journal of Scientific Research and Development. – 2016. – № 3 (6): P. 96-103.
25. Самарин А.А. Экстерриториальное действие права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Алексей Алексеевич Баранов. Н. Новгород, 2016. С. 16-30.
26. Stephen McBride & John Wiseman, Introduction, in Globalization and its Discontents (Stephen McBride & John Wiseman eds., 2000); Anoushiravan Ehteshami, Globalization and Geopolitics in the Middle East: Old Games, New Rules 17 (2007).
27. Twining W. Globalization and legal theory. – Cambridge University Press, 2000.
28. Werner F. Menski, Comparative Law in a Global Context: The Legal Systems of Asia and Africa (C 2006)
29. Pierrick Le Goff, Global Law: A Legal Phenomenon Emerging from the Process of Globalization, Ind. J. Global Legal Stud. 119, 121-126 (2007).
30. John Flood, Globalization and Law, in An Introduction To Law And Social Theory, 313 (Reza Banakar & Max Travers eds., 2002).
31. Stefan Oeter, Theorizing the Global Legal Order—An Institutional Perspective in Theorizing the Global Legal Order, in Theorizing The Global Legal Order (Andrew Halpin & Volker Roeben Eds., 2009).
32. Gunther Teubner, Global Bukowina: Legal Pluralism in the World Society, in Global Law without a State (Gunther Teuber Ed., 1997)
33. Alexander Wendt, Social theory of international politics (1999). 280 p.
34. Andrew Hurrell, On Global Order: Power, Values, and the Constitution of International Society (2007). 368 z.
35. Michael Byers, Custom, Power, and the Power of Rules 35 17 mich. j. int'l l. 109 (1995)
36. Mark Laffey & Jutta Weldes, Policing and Global Governance, in Power In Global governance (Michael N. Barnett & Raymond Duvall eds., 2005); see Richard Mohr, Local Court Reforms and 'Global' Law, 3 UTRECHT L. REV. 58 (2005).
37. Яковюк И. В., Мамычев А. Ю., Шестопал С. С. Европейский Союз сквозь призму имперской модели власти // Право и политика. – 2016. – №. 12. – С. 1473-1481.
38. Мамычев А. Ю., Шестопал С. С. Внеправовое и теневое функционирование публичной власти // Балтийский гуманитарный журнал. – 2016. – Т. 5. – №. 4. – С. 381-384.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-33-00034 (a1)

*Статья поступила в редакцию 02.11.2017
Статья принята к публикации 24.12.2017*